

Том 1(1)

НЕУСТОЙЧИВЫЕ ГОСУДАРСТВА: ТРАНСФОРМАЦИЯ СИСТЕМ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Джон Кларк

В статье рассматривается трансформация государства всеобщего благосостояния. Предметом анализа являются два аналитических подхода — политической экономии и управленитета (governmentality) — и их влияние на способ осмысления государства всеобщего благосостояния. Статья изучает переменчивые определения «благосостояния», «государства», «нации» (nation) в современных политиках благосостояния. Высказывается предположение, что продуктивной альтернативой существующим подходам может стать аналитическая схема, фокусирующаяся на состоянии «временного равновесия», характеризующего государство всеобщего благосостояния, процессах дестабилизации и перестройки.

Ключевые слова: управленитет, нация, политическая экономия, соглашение, государство, благосостояние, социальное обеспечение

В этой статье я раскрываю возможности подходов политической экономии и управленитета* к анализу процессов трансформации государства всеобщего благосостояния. Это исследование берет свое начало от более крупного (индивидуального и коллективного) проекта «переосмысления» анализа социальной политики и систем благосостояния¹.

Предметом анализа в статье выступает трансформация государства всеобщего благосостояния на том основании, что это обширная, много обсуждавшаяся и, все же удивительно проблематичная тема. Трудно найти согласие по вопросу о том, что такое государство всеобщего благосостояния, где такие существуют, и что с ними случилось, но гораздо труднее — о том, являются ли государство всеобщего благосостояния подходящим

* В этой статье Д. Кларка понятие governmentality, впервые введенное в научный оборот в работах М. Фуко, переводится как «управленитет» (прим.ред.)

¹ См., например [Lewis, Gewirtz и Clarke, 2000].

объектом исследования. И все же в данной статье они (государства всеобщего благосостояния) и их трансформация берутся в качестве отправной точки.

Статья содержит осмысление двух потенциальных и мощных аналитических оснований, которые позволяют провести дискуссию по этому вопросу. Как политическая экономия, так и управленитет зарекомендовали себя в качестве сильных, поучительных и эффективных способов осмысления этих трансформаций. Однако выбор того или другого подхода — не просто «невинная» дискуссия. Этот выбор продиктован множеством интересов и установок, которые сформировали мой взгляд на государства всеобщего благосостояния и их трансформации. Такие установки развивались в разнообразных и сложных отношениях как с марксистской, так и с постструктуралистской формами анализа, включая (по крайней мере) отношения присвоения и антагонизма. Моя цель здесь состоит в артикуляции собственного интереса к пересмотру основных положений этих двух подходов. Хотя существует риск такого обсуждения теорий, которое делает их похожими скорее на маршанеток чревоущателя, чем на живые и динамические подходы, все же я считаю, что «диалоговые» процедуры ведения дискуссии предпочтительнее, чем простое утверждение превосходства.

Подход этот имеет важное значение для структуры данной статьи. Он начинается с рассмотрения вариантов политэкономического объяснения глобализации и трансформации государства всеобщего благосостояния. Это является (или могло бы быть) наиболее удобным поводом для объяснений, основанных на политической экономии. Однако, в статье утверждается, что в тех исследованиях государства всеобщего благосостояния, которые отталкиваются от политической экономии, имеются некоторые существенные недостатки. Более того, я доказываю, что таковые недостатки являются, по сути, системными особенностями рассматриваемого способа анализа или, по крайней мере, его преобладающими тенденциями. Затем в статье обсуждается, почему эти недостатки могли бы указывать на достоинства управленитета как на альтернативную отправную точку в анализе трансформаций государства всеобщего благосостояния. Многие исследования нео-либерального управленитета оставляют у меня чувство разочарования, не позволяя выработать более систематические ориентиры, необходимые при анализе трансформаций государства всеобщего благосостояния.

Государства всеобщего благосостояния и глобализация: политическая экономия трансформации и выживания

Глобализация сегодня является центральной проблемой в исследовании государства всеобщего благосостояния [Esping-Anderson, 1997, Gough, 2000; Sykes, Palier and Prior, 2001; Yeates, 2001]. Первая волна дискуссий о глобализации показала, что всемирно-исторические сдвиги эпохального характера снижают способность национальных государств планировать, финансировать и организовывать их собственную политику благосостояния. Этот эпохальный взгляд на трансформирующую власть

новой глобальной экономики прославлялся как освободительная сила нового миропорядка или критиковался как окончательное выражение власти капитала.

Иногда, как утверждает Меган Моррис [1998, ch.5], трудно отделить критиков от одобряющих, учитывая то обстоятельство, что и те, и другие «ослеплены блеском» энергии капитала (и неизбежностью его триумфа). Этот вид политэкономии (больше экономии и гораздо меньше политики) доминировал в публичной и академической дискуссии о глобализации. Он представляет очень четкий, последовательный, общий, популярный и полный образ глобализации¹. Применение этой точки зрения на глобализацию и трансформацию государств всеобщего благосостояния порождает проблему, заключающуюся в *упрощенном* взгляде, стремлении к чрезмерному прогнозу степени изменения в государствах всеобщего благосостояния, способах его финансировании и программах (см. работы о европейских государствах всеобщего благосостояния [Kuhnle, 2000, Clarke, Cochrane and Gewirtz, 2001]).

Тем не менее, даже упрощенная политэкономическая точка зрения на всемирный мировой капитал была крайне влиятельна. В частности, это произошло в обширной дискуссии по поводу содержащихся в ней положений. Одно важное направление критики относительно тезиса глобализации основывается на полярно противоположных утверждениях о роли политических и институциональных структур (или режимов) национальных государств всеобщего благосостояния, которые либо сопротивлялись, либо способствовали укреплению власти мирового капитала. Упрощенная политэкономическая точка зрения преувеличивала охват и влияние мирового капитала, что доказывает долговечность разнообразных режимов благосостояния. Этот довод, а также дополнительные свидетельства относительной устойчивости и разнообразия систем благосостояния, были выдвинуты в ряде исследований [Esping-Anderson, 1997; Gough, 2000; Kuhnle, ed. 2000]. Факты, указывающие на многообразие форм «выживания» и «жизнеспособности» систем благосостояния, очень убедительны. Рассматриваемый критический анализ глобализации делает особый акцент на политико-институциональных аспектах национальных государств всеобщего благосостояния и полагает их основанием дифференцированного выживания, адаптации и трансформации в контексте глобальной экономики.

С моей точки зрения, этот подход к исследованию оставляет без внимания базовые концептуальные блоки — понятия «государство-нация» и «государство всеобщего благосостояния». Я хочу доказать необходимость более дифференцированного анализа глобализации вместо простой констатации одного из двух — либо упадка, либо жизнеспособности такого комплексного явления, как государство всеобщего благосостояния, в условиях государства-нации. Я уже писал в своих работах, что исследования

¹ Можно спорить, что в таком виде проявляются неолиберальные фантазии о глобализации [Massey, 1999], представляя мир в образе свободного капитала. Но даже неолиберальные фантасты знают, что действительность иногда не соответствует их представлениям: возникают затруднения, планы не осуществляются, и часть исходного материала иногда не поддается изучению. Тогда имеет смысл отказаться от анализа «общего плана» глобализации, признав его одним (очень влиятельным) планом, предназначенным для осуществления всего лишь частного варианта глобальной взаимосвязи. Ниже мы увидим его неполноту, непоследовательность, неравномерность и противоречивость.

социальной политики слишком поспешно приняли это комплексное явление за основу [Clarke, 2000^a и 2000^b; 2001]. Споры о глобализации превозносили его, игнорируя другие тенденции и направления, требующие, чтобы мы мыслили в терминах меняющихся структур и конфигураций. В Европе и за ее пределами мы наблюдали, как изменяются границы между государствами-нациями и внутри них [Fink, Lewis and Clarke, eds, 2001]. Геополитические изменения отделяют нации от государств и изменяют контексты, в которых формируются нации и реформируются государства.

Короче говоря, глобализация должна рассматриваться как создание разнообразных и внутренне противоречивых новых контекстов и условий для систем благосостояния — в особенности тех, которые воздействуют на пространственные отношения власти и управления, оказывающих влияние на благосостояние. Это подразумевает такое представление о глобализации, которое освобождает ее от упрощенной аналитической схемы, замыкающейся на политической экономии и власти капитала. Я нисколько не сомневаюсь в том, что процессы формирования и аккумуляции капитала имеют важное значение, или что они сильно преобразовали пространственные, социальные и культурные структуры. В подтверждение этой мысли Дикон [Deacon 1997, 2001] показал, как такие императивы вошли в целый ряд над-национальных институтов (ВТО, Всемирный Банк и т.д.) в качестве условий и целей будущего развития. Но необходимо добавить некоторые характеристики и развить эти соображения. Глобальные формы капитала — это не все формы капитала, и не все процессы накопления капитала имеют глобальный характер. Не все они успешны — глобальные финансовые рынки увеличивают возможность глобальных кризисов. Даже на уровне экономики, я полагаю, имеет смысл оживить те взгляды на капитализм, которые делают акцент на его противоречивом, спорном и неровном характере, и которые показали, что имеет место множество соперничающих, сосуществующих и конфликтующих глобальных тенденций, направлений и проектов.

Политэкономия и государства всеобщего благосостояния: недостаток воображения?

Если существуют проблемы относительно того, как политическая экономика понимает динамику и результаты экономической глобализации, то есть и вопросы относительно самой концепции политико-институциональных аспектов государства всеобщего благосостояния. Многие из современных дискуссий вызваны тем, что концепция государства всеобщего благосостояния одновременно является и слишком широкой, и чересчур узкой. Мне кажется, необходимо сделать различие относительно того, говорим ли мы о национальных системах благосостояния или о государстве всеобщего благосостояния вообще. Слово «государство» подразумевает проблемы формирования политической власти, государственной организации и ее возможностей, а также конденсации социальных отношений, — что делает государство особым образованием [Clarke, 1996]. Понятие «государства всеобщего благосостояния» является удобной и общественно важной «выдумкой» как с политической, так и с аналитической точки зрения.

Кроме того, ясно, что на практике государства всеобщего благосостояния (понимаемые как сокращенная форма от выражения «государственные механизмы благосостояния») что-то делают. Они осуществляют льготные выплаты, контролируют проблемное население, производят и распределяют услуги, производят, воспроизводят и пересматривают модели социальной дифференциации, создают коллективные идентичности, подавляют «неудобных» людей и так далее. Но это не означает, что эти механизмы можно принимать в качестве «коллективных акторов» в анализе социальной политики (т.е. тех, кто реагирует, приспосабливается и так далее). В таком случае упускаются из вида процессы политической (и идеологической) мобилизации и артикуляции, через которые происходит артикуляция проблем, связанных с условиями жизни, а также представляются, предлагаются и легитимируются методы решения этих проблем.

Существует и вторая проблема: исследования социальной политики зачастую слишком ограниченно рассматривают то, что составляет государство всеобщего благосостояния. Как справедливо показал Сайкс в отношении сравнительного анализа дивергенции и конвергенции, возникает «вопрос о том, какие меры должны приниматься во внимание и почему?» [Sykes 1998, P.14]. По большей части, сравнительные и «глобалистские» исследования игнорировали этот вопрос, предпочитая рассматривать государства всеобщего благосостояния как программы по перераспределению доходов. Существуют вполне убедительные методологические, теоретические и политические причины для такого выбора (см., например, обсуждение этого вопроса у Дэли [Daly, 1997], а также в работе Кокрена, Кларка и Гевиртца [Cochrane, Clarke и Gewirtz, 2001]), но все же они довольно редко артикулируются. Программы перераспределения доходов существуют там, где могут быть поставлены без труда вопросы о масштабе, стоимости и возможностях социального обеспечения. Они являются полем для традиционных исследований состояния или степени перераспределения (между социально-экономическими группами, так называемыми «классами»; или между разными этапами жизненного цикла). Эти программы существуют там, где могут быть наиболее быстро разрешены вопросы о взаимоотношении социальной и экономической политики. Неудивительно, что это те направления политики, которые наиболее ярко проявляются в дискуссиях исследователей новой международной политической экономики и социального обеспечения. Однако это очень узкая концепция государства всеобщего благосостояния. Финансирование, обеспечение и координация целого ряда льгот и услуг, распределенных более или менее дифференцированным образом между комплексом социальных групп в пределах государства, как и сложные отношения между обществом, социальным обеспечением и государством едва ли могут быть представлены данными о перераспределении доходов. В результате существует риск того, что будет расти разрыв между богатыми комплексными исследованиями отдельных государств всеобщего благосостояния и бедной, главным образом, количественной методологией сравнительного анализа. Такие узкие представления игнорируют или даже замалчивают весьма острые вопросы о государстве всеобщего благосостояния, о формах неравенства и различия, которые были подняты в течение последних двадцати лет. Доминирующая исследовательская проблема при традиционном или конвенциональном анализе связана с неравен-

ством и перераспределением в иерархии социально-экономических групп (иногда кодифицируемых как классы). Вопросы о том, как государства всеобщего благосостояния производят, воспроизводят или модифицируют неравенства гендерных или расовых различий (или могут привести инвалидов к состоянию обнищания и зависимости), в таких исследованиях являются, мягко говоря, менее чем центральными.

Подобный фокус на программах трансферта дохода является зеркальным отображением экономического редуционизма, свойственного многим современным исследованиям глобализации. Они удачно соответствуют друг другу. Социально недифференцированный «труд» соответствует социально недифференцированным «политикам благосостояния». Джессоп [Jessop 2000³], например, говорит о том, как тенденции глобализации могут способствовать адаптации политики социального обеспечения (welfare) к тому, что в духе Шумпетера называют режимом активной политики занятости (workfare) либо инновациями. Эти политики социального обеспечения могут, но не все, быть ориентированы на рынок труда¹. Каким образом мы анализируем политику социального обеспечения, которая (хотя бы) способствует переходу от пособий к занятости (welfare-to-work), как и гендерно специфическим семейным обязанностям в уходе за иждивенцами, одновременно поощряя конsumerистские ориентации на услуги здравоохранения и образования, а также исключая или подчиняя мигрантов, определяемых в расовых категориях? Остается и вопрос о том, как объяснить, а не проигнорировать все остальные дифференцирующие последствия социального обеспечения. В наиболее общем смысле, что происходит, когда государства «осуществляют социальное обеспечение»? К сожалению, перспективы политической экономии редко рассматривают такие аспекты социальной дифференциации и их отношения к социальной политике.

Я утверждаю, что системы всеобщего благосостояния могут с наибольшей пользой быть рассмотрены как часть средств, с помощью которых государства производят и воспроизводят социально дифференцированное население. Как утверждает Дэли, анализ перераспределения доходов имеет большое значение для анализа, потому что «институциональная архитектура» системы льгот и пособий обнажает «условия, на которых индивиды могут требовать публичных ресурсов, и позволяет выявить типы солидарности, создаваемые системами государственной поддержки» [Daly 1997, p. 172]. Я бы сказал, что концепция государства всеобщего благосостояния позволяет понять многое о том, как дифференцированы общества, какие различия следуют из материального неравенства или продуцируются им, и о том, какова может быть структура включений, исключений, иерархизаций, маргинализаций и субординаций [Hughes и Lewis, 1998]. Относительно такой социальной дифференциации, государства всеобщего благосостоя-

¹ Для большинства форм политэкономического анализа, основанных на марксизме, существует проблема того, как можно сформулировать изменяющиеся отношения между государством всеобщего благосостояния и логикой, потребностями и императивами капитала. Не может быть, чтобы современная ситуация характеризовалась расширением социального обеспечения в услугу капиталу (или где меры социальной политики подчинены экономической политике), поскольку существуют структурные ограничения капиталистических государств всеобщего благосостояния. Мы должны понять, как потребности капитала, или его власть изменились для того, чтобы внести новые меры или условия в повестку дня. Одну из попыток осуществить систематический анализ изменяющейся власти капитала см. у Гофа [Gough, 2000, ch. 4].

ния могут воспроизводить или укреплять модели разделения и неравенства, или они могут исправлять или корректировать их, — но сложная система дифференциации вряд ли может быть сведена к простому дистрибутивному анализу социально-экономических групп. Гражданство, определяемое в терминах Морриса, который называет «легитимным членством в сообществе благосостояния» [Morris, 1998], является комплексным понятием, потому что оно аккумулирует (в каждой государственной формации) эту сложность отношений и отрицается борьбой с ними.

Специфические направления и формы сочетания разных типов дифференциации четко различаются между государствами и их системами социального обеспечения. Эта точка зрения также предполагает, что государства всеобщего благосостояния станут центром комплексных социальных политик, организованных вокруг форм различия и условий их относительного включения, маргинализации и субординации. В этой роли государство всеобщего благосостояния может рассматриваться одновременно и как временные компромиссы или «урегулирования», в которых оно достигает баланса в рамках особой комбинации социальных отношений, а также и как потенциально «неустойчивое равновесие», уязвимое для новых испытаний [Clarke and Newman, 1997, Hughes and Lewis, ed., 1998]. Вопрос о роли и месте государства всеобщего благосостояния в сложном воспроизводстве таких отношений мог бы стать весьма значимым в размышлении о государствах всеобщего благосостояния и глобализации. Эта значимость имеет некоторое отношение к способам, с помощью которых динамика процессов глобализации может как усиливать, так и нарушать сложившиеся социальные разделения и институциональные структуры их воспроизводства.

Есть также вопросы об изменяющихся отношениях между «национальным государством» и «государством всеобщего благосостояния». Эти понятия обозначают основные институциональные формации, в которых нация и государство, социальное обеспечение и государство конструировались как устойчивые связи (см. также [Hughes, 1998]). Как и с термином «государственная нация», единство словосочетания «государство всеобщего благосостояния» более не может быть принято. Значение, охват и масштаб «благосостояния» обсуждены и пересмотрены во многих национальных контекстах, причем США возглавили поиски «заката благоденствия» («end of welfare») (см. [Mink, 1998]). «Благосостояние» в контексте США было сведено к государственной помощи (в частности, Помощь семьям с несовершеннолетними детьми — AFDC) по сравнению с любой другой более широкой концепцией социального обеспечения. Однако, очевидно, что другие государственные программы также находятся под угрозой (например, в предложениях «приватизировать» социальную защиту). Вместе с тем значение, распространение и масштаб государственного участия в социальной защите с конца 1970-х годов постоянно подвергались сомнениям, особенно (но не только) со стороны Новых правых*. Результатом была растущая неуверенность в том, что может и должно делать государство, что можно доверять делать правительству, и в том, что может (или хочет) себе позволить население

* Новые правые — речь идет о политической платформе британской партии консерваторов, так же, как далее по тексту упоминаются Новые левые — современные лейбористы, находящиеся у власти в Великобритании (прим. пер.)

как налогоплательщик. Такие усилия «повторно изобрести правительство» изменили паритет между обществом, государственными сервисами и государством. «Государственные сервисы» больше не могут пониматься как службы для общества и службы, имеющие отношение к государственному сектору, учитывая тенденции к различным сочетаниям государственного и частного в «смешанных экономиках социального обеспечения». Кларк и Ньюман [Clarke и Newman 1997, p. 22–33] продемонстрировали важность анализа не только процесса движения в сторону альтернативных агентств социального обеспечения, но и новых связей, благодаря которым многообразные поставщики социальных услуг увязаны системой финансового и организационного менеджмента в поле «дисперсной» государственной власти. Трудность состоит в том, чтобы понять, как такие процессы могут соединять и «плюрализм социального обеспечения», и новые формы государственной власти, которые еще называют контролем «на расстоянии» [Хоггет, 1996]. Такие изменения в смешанных экономиках социального обеспечения нарушают предварительно установленные отношения между социальным обеспечением и государством. Быть может, полезно поразмыслить о каждом из терминов — «социальное обеспечение», «нация» и «государство» — как о центральном аспекте отдельных, хотя и пересекающихся направлений социальной динамики и политических конфликтов. Ведь реформирование государства всеобщего благосостояния повлекло за собой изменение социального обеспечения и изменение государства, а заодно и изменение того, как они артикулируются.

Достаточно очевидно, я надеюсь, что мой «диалог» с политической экономией по поводу государств всеобщего благосостояния был полностью оформлен или направлен постструктуралистскими ориентациями. Поиск более дифференцированного взгляда на политику и практику социального обеспечения, связанного с более дифференцированными социальными группами населения, отражает следы многочисленных и разнообразных критических апелляций к политэкономическому анализу. Кроме того, существуют и другие соображения, которые приводят нас к концепции управленитета (governmentality). Есть риск овеществления политики социального обеспечения, аппарата и методов государства в рассуждениях такого рода. Выплаты и услуги системы социального обеспечения и социальных служб — не единственные способы, посредством которых государства пытаются управлять социальным воспроизводством. Управление социально дифференцированными группами населения может быть осуществлено с помощью целого ряда различных методов (или, если быть более точным, через различные комбинации ряда возможных средств). Это наиболее наглядно отражено в случае США. Как отмечают различные авторы, сравнительно низкий уровень мужской безработицы в США достигнут на основании заключения в тюрьму гораздо большей части «избыточного» мужского населения этой страны, чем в любой другой западной экономической системе (например, [Fox Piven, 1997]). Система уголовного права также является своего рода средством управления социально дифференцированным населением. В самом деле, некоторые аналитики доказали, что имел место сдвиг от «велфаристской» («собесовской») к «неолиберальной» форме «управленитета», особенностью которого является растущее применение способов поддержания порядка, наблюдения и регулирования, нежели поли-

тик и практик социального обеспечения [Rose, 1996, Stenson, 2000]. Даже в своем самом общем приближении обсуждение этой проблемы напоминает нам, что в понятии «государство всеобщего благосостояния» слово «государство» имеет большую смысловую нагрузку, чем «благосостояние», и что мы должны быть особенно осторожны в отношении тех вопросов, которые могут остаться в стороне или остаться без ответа благодаря чрезмерному аналитическому фокусу, направленному на государство всеобщего благосостояния.

Управлениеты и преобразование социального обеспечения

По сравнению с подходами, основанными на политической экономии, исследование управлениетов возвращает «благосостояние» (в качестве политик, практик и отношений) на более заметное место в анализе. Это отражает интерес «управления» к практикам регулирования населения и контролю над его поведением. Во-вторых — и в то же самое время — фокус на управлениете смещает правительство и/или государство с центрального места в анализе, рассматривая «управление» в виде многочисленных агентств, отношений и практик. Управлениеты обозначают относительно структурированные и последовательные отношения, которые связывают управляющих и управляемых, включенных в «режимы практик» с их отличительными особенностями. Каждая форма управлениета (менталитета управляющих и размышлений об управлении) и его практик подразумевают:

- Характерные *формы видимости* (те объекты/действия, на которых они сосредотачивают внимание и способы видения этих объектов);
- Определенные *знания* (доминирующие способы знания об объектах/действиях и о населении, выраженные в особых дискурсах и предполагающие особые отношения между «экспертизой» и теми, кого этой экспертизе подвергли, а также на кого посредством нее воздействовали);
- Определенные *способы действия или вмешательства*, со специфическими «рациональностями», которые предписывают наборы механизмов, методов и технологий вмешательства или уже заданы ими;
- Характерные способы формирования субъектов, идентичностей, личности, акторов или агентов [см. Dean, 1999, p. 23].

Рассматриваемый подход с недавних пор фокусируется на изменениях между типами или формами управлениета, исследуя переход от «велфари-стского», или «экспансивного» либерального управлениета к «современному либеральному» или «нео-либеральному» управлениету. Если все формы либерального управления работают на «расстоянии вытянутой руки» через «саморегулирующиеся» или «самоуправляющиеся субъекты», а прямая власть или дисциплина применяются в меньшей степени, то можно говорить о различных вариантах либерального управления. Хэррис, например, различает «классическое либеральное», «экспансивное либеральное» и «развитое либеральное» управления [Harris 1999, p. 38–40]. Если «экспансивное либеральное управление» вовлечено в социализацию (ограниченную) в рамках как экономической, так и социальной сфер под знаком продвижения «коллективной безопасности», то современный либерализм отмечен

стремлением десоциализировать обе эти сферы. Более всего современный либерализм «экономизирует» все остальные сферы, подчиняя их экономической (или рыночной) логике, знанию и практикам. Все то, что мы понимаем под социальной сферой, все в большей степени становится экономической. Это изменение в управленитете проявляется на примере ряда трансформаций политики и практики. Роуз, например, указывает на «фрагментацию» «социального» в индивидуальных интересах, наряду с конструированием «сообществ» как сфер принадлежности или идентификации и уровня вмешательства [Rose 1996^b]. О'Молли [O'Malley 1996] описывает развитие «новой предусмотрительности», рассматривающей граждан в качестве «активных» вычислителей риска и риск-менеджеров, уполномоченных «осуществлять их собственные выборы» в виду сокращения государственного или коллективного страхования. Процесс экономизации может быть прослежен в новых техниках и технологиях (использование рыночных форм как средств управления) и в новых дискурсивных формациях (наделение гражданина статусом клиента). Понятно, что не обязательно быть последователем теории управленитета, чтобы заметить эти процессы, однако управленитет обеспечивает мощную аналитическую базу, посредством которой можно понять точки их соприкосновения и упорядочения как части более масштабных изменения.

Я думаю, трудно недооценить значимость «управленитета» как средства анализа систем социального обеспечения и их трансформации. Это выдвигает на передний план изучение разнообразных и сложных аппаратов, знаний и режимов практик, с помощью которых осуществляется управление. Такая дискуссия также углубляет представления об изменяющемся балансе между публичным и частным (или между государством и гражданским обществом), трактуя «освобождение гражданина» в качестве новой формы подчинения. Тем самым поощряется «деконструктивистский» скептицизм о знаниях и формах экспертизы, использующихся (и воспроизводящихся) в политике и практике. В результате обеспечивается ценное противоядие нормативным предположениям о «велфаризме»* в фабианской и социал-демократической традициях (так же, как и профессиональных дискурсах). Управленитет (который Дин более точно называет «аналитикой управления» [Dean 1999, p.20–27]) систематизирует изменения в правительстве-правлении (government-governance) в пределах более широкой программы преобразования современных обществ. Пусть и разными способами, но подход правительства-правления, и системный подход оба стремились рассматривать «правление» отвлеченно от определенных социальных и политических контекстов и условий. Интерес к «неолиберальному» или «современному либеральному» правлению не только фиксирует изменения в политике социального обеспечения, отношениях и системах в более широкой динамике, но и наводит на мысль о пересечениях «национальной» сферы интересов и международных/глобальных процессов (см., например, [Harris, 1999, p. 40–43]).

Столь же важными являются «антиредукционистская» и «антистатистская» («anti-statist») тенденции, которые представляют вызовы упрощающим

* Велфаризм — идеология государственного обеспечения минимальных социальных стандартов благосостояния граждан в условиях капиталистической экономики (прим.ред.)

допущениям в ряде социальных наук, включая политэкономии. Управлени-тет предоставил особую систему инструментов для анализа поля отноше-ний и практик социального обеспечения, чтобы выявить, каким образом «социальное обеспечение» вовлечено в создание и воспроизводство диф-ференцированных субъектов. Управлени-тет так же подчеркивает важность серьезного анализа как разнообразия агентств, посредством которых осуществляются эти процессы (в противоположность чересчур обобщенной концепции *государства-как-государства всеобщего благосостояния*), так и ценности обращения к микрополитическим процессам (техникам и технологиям) управления населением. Опять же, я не считаю, что это уникальные свойства ориентации управлени-тета, но они достаточно чет-ко сформулированы в относительно последовательной и систематичес-кой манере.

Тем не менее, мое отношение к этим достижениям содержит некоторые сомнения относительно того, обеспечивает ли управлени-тет наилучший подход к анализу трансформаций государств всеобщего благосостояния и систем социального обеспечения. Я предложу ряд достаточно резких суждений о тенденциях в исследованиях управлени-тета, на которых сфо-кусирован мой интерес. Трудно определить, являются ли эти тенденции доминирующими, неотъемлемыми или отклоняющимися от нормы, и в дальней-шем я буду только обсуждать их как тенденции в рамках исследований управлени-тета¹.

Имеет место и то, что я характеризовал их весьма приблизительно — но я надеюсь, не вполне незнаваемо. Они — как и с обсуждением политэ-кономии — артикулированы в связи с моими взглядами и представлениями или в противовес им. Но, вместе взятые, они заставляют меня усомниться в способе анализа. Они касаются вопросов о пространственной (и полити-ческой) специфике; того, как рассуждать о сложных формациях и полити-ческих проектах; как пересматривать отношения между экономическим и политическим; и, наконец, как исследовать эффективность проектов и стратегий.

Позвольте мне начать с наиболее общего уровня анализа. Большинство работ об управлени-тете принимают форму и опыт западных комплексов государство-нация в качестве образца². Это приводит к относительно недифференцированному способу анализа (в терминах определенных госу-дарственных формаций и траекторий), так что неолиберализм рассмат-ривается как управлени-тет, который распространен в обществе. Все же я хотел бы доказать, что его воздействие и артикуляции в значительной степени геополитически дифференцированы и относительно различных обществ, и в смысле их изменяющихся взаимосвязей (например, относительно того, что пыгается заместить неолиберализм, и тех форм, посредством которых эта политика отвергается и адаптируется). Существует параллельная

¹ Я хочу настоять на этом языке тенденций и вариаций частично потому, что некоторые из вопросов, которые я обсуждаю, также является предметом большого количества «внутренних» обсуждений в пределах работ, посвященных вопросу управлени-тета, например О'Молли [O'Malley 2001, и в печа-ти, Stenson, 2000].

² Возможно, что эта норма не только западная, но более точно англоязычная, отражающая особое преобладание неолиберализма как политической формации в США, Великобритании, Австралии и Новой Зеландии.

«де-дифференцирующая» тенденция, в рамках которой такой современный и особый порядок, как «глобализация» является самостоятельным носителем и распространителем неолиберализма. Более полно и убедительно этот аргумент о пространственно-временных отношениях формулирует Гупта [Gupta 2000].

Во-вторых, несмотря на антиредукционистский запал постструктуралистской эпистемологии, который поддерживает работу последователей теории управленитета, я вижу удивительные проявления экономического редукционизма. Это странный парадокс, потому что многое из обсуждения «экономизации» дискурсов и практик управления указывает скорее на тонкую и полезную концептуализацию «экономического» (the economic) как сконструированного образования (а не на «экономику» — the economy). Вместе с тем, не может не беспокоить готовность обращаться с экономикой как с контекстом, фоном или условием для преобразований управления. Например, Хэррис помещает развитое либеральное управление в контекст «чудесного преображения в западных экономиках», что подразумевает как «глобализацию», так и сдвиг к «постфордистским» экономическим формам. Она доказывает, что «эти изменения служат причиной того, что Роуз [Rose 1996^b], называет де-социализацией экономического управления» [Harris 1999, p.41]. Подобные объяснения являются как теоретической, так и политической проблемой – возвращение экономического редукционизма и детерминизма, отвергнутых, как предполагалось, в постструктурализме (см. обсуждение в [Morris, 1998, ch. 5]. Плавный переход между контекстным и упрощенным экономизмом предполагает, что проблема возврата к «экономике» после постструктурализма еще не решена (см. [Gibson-Graham, 1996]).

В-третьих, делая акцент на сложности и разнообразии аппаратов, технологий и практик, я думаю, что существует тенденция производить чересчур обобщенную концепцию управленитетов. Во многих публикациях специфические знания, практики и социально-политические проекты трактуются скорее как уточнения управленитета, чем аналитическое изложение проблемы. О'Молли показал, что «основная, если не главная работа управленитета, связанная с развитым либерализмом/неолиберализмом (включая мой собственный), становится одним из главных идентифицированных новых контекстов, в которых он возникает, раскрывая новые формы, посредством которых он проявляется, локализуя новые процессы, с помощью которых он действует, и так далее» [O'Malley, в печати, p. 12]. Например, я не считаю более захватывающим объяснять «переход от пособий к работе» как неолиберальную правительственную практику, чем рассматривать его как (пере)подчинение рабочих властью капитала. Обе версии обращаются с этим понятием скорее как с иллюстративным примером абстрактной логики, чем как с целостной, компромиссной и конкурентной борьбой за переупорядочение разнообразных отношений — не в последнюю очередь отношений гендерных и расовых субъектов.

«Благосостояние» (в его американском воплощении) очень остро формулирует вопрос об отношении между неолиберализмом и другими рациональностями/формациями. С самого начала политический проект Новых правых (конечно, терминология достаточно сложная) был как результатом, так и продолжающейся практикой комбинации различных политических течений и блоков, особенно относящиеся к неолиберализму и неоконсер-

ватизму [Clarke, 1991, ch. 6]. Неолиберализм не вдруг наступил мир, — он наступал последовательно (хотя и по-разному в различных государственных контекстах) как четко сформулированный комплекс воззрений или порядок с альтернативными «менталитетами». По крайней мере, и в Англии и в США артикуляция неоконсерватизма была мощной и постоянной. Это имеет глубокие последствия для политики и практики, которые возникли — в связи с трансформацией систем социального обеспечения (маркетизация, менеджериализация* и т.д.) или с управлением «трудным» населением через новый комплекс социальных/криминализирующих технологий (см. О'Молли [O'Malley, 2000]).

Тем не менее, между неолиберализмом и неоконсерватизмом имелось существенное пересечение, но это — только один случай из целого ряда проблем изменяющихся форм уклада (оппозиция, подчинение, присвоение, назначение, антагонизм и объединение) среди множества политических формаций. Например, на мой взгляд, «велфаризм» был не только выражением или осуществлением «расширяющегося либерального управления». Это было спорное и противоречивое поле ряда профессиональных, административных, социальных и политических конфликтов, которые стремились преобразовывать социальные уклады и институциональные формы развитых капиталистических социальных укладов [Clarke, 2000]. Этот сверхобъединенный взгляд на управленитеты как на последовательные/объединенные формации отражается в том, как обсуждался переход к развитому или неолиберальному управленитету. Я бы предложил рассматривать «неолиберальный управленитет» как социально-политический проект, который *пытается* приспособить мир к своей логике (и который в этом действительно добился значительных успехов). Но я думаю, что некоторые последователи подхода управленитета обращались с ним как с завершенным проектом, который, будучи «раскатанным» подобно огромному листу теста по всему миру, выровнял все возможные различия (в особенности я имею в виду аргументы Роуз о «смерти» — или «распадении», или «ампутации» — социального).

Я признаю, что мой словарный запас несколько ограничен, но я думаю, что есть важные теоретические и политические причины, чтобы настаивать на представлении о мире как об ухабистом, шероховатом, более неровном и незаконченном. Неолиберальный управленитет необходимо осмыслить как ответ на предыдущие блокировки и сопротивления, как создание новых внутренних противоречий и сопротивлений и как необходимость достижения договоренностей в социальном и политическом ландшафте, который включает «другие» проекты, знания и практики. Как происходят эти переговоры и каковы их результаты — вопрос анализа (конструирование специфических отношений доминирования, подчинения, объединения, маргинализации и так далее). Д. Купер [Cooper 1998] в своей работе об «управлении» демонстрирует, как могли бы проводиться такие исследования, в которых рассматривалось бы, как различные концепции и стратегии собственности, контроля и принадлежности конкурируют с определенными социальными контекстами. Такое внимание к процессам проектирования, сопротивления и подчинения расширяет наше понимание социального конфликта и наво-

* Маркетизация — подчинение социального обеспечения правилам рынка, менеджериализация — стремление к повышению управленческой эффективности системы социального обеспечения (прим.ред.)

дит на мысль, почему социально-политические проекты неуместно расценивать как последовательные и завершённые.

Наконец, я борюсь с вопросом о том, какие эффективные управленческие практики были или существуют в настоящее время. Этот вопрос может быть поставлен относительно различных контекстов или полей: степень встроенности в определённые институциональные формации; степень распространения или консолидации в политико-культурных областях; уровни подчинения, достигнутые среди подчиняемого населения¹. Говоря упрощённо, я думаю, что многие авторы работ об управленитете принимают намерения за результат, чересчур увязывая управленитеты с их последствиями. Есть ряд глубоких аналитических и политических причин на то, чтобы утверждать прерывистость и незавершённость такой инсталляции (в общественных институтах ли, в практиках или формах подчинения). Неoliberalизм, например, не осуществляется сам по себе или непосредственно. Я предпочёл бы говорить, что он (дифференцированно) отвергается, подгоняется, к нему приспособляются, его принуждают к неудобным союзам, даже если он пытается все подчинить своей логике. Методологически я хочу настоять на слове «пытается» в анализе, т.к. это выдвигает на первый план несоответствие между амбицией и итогом; между стратегией и реализацией; между дискурсом и практикой; между предпринятым подчинением субъектов и непокорными субъектами. Современные исследования дискурсов богатства, бедности и гражданства в Великобритании иллюстрирует последовательную неспособность неолитерализма утвердиться в качестве доминирующего образа мышления среди «граждан» [Dean и Melrose, 1999, Orton, 2001].

Короче говоря, я думаю, что есть некоторые вопросы, которые нуждаются в дальнейшем обсуждении того, как «управленитет» мог бы ориентировать будущие исследования трансформации социального обеспечения. Его способность заставлять нас задуматься — снова и по-другому об изменяющемся режиме практик социального обеспечения — жизненно важна, но, на мой взгляд, требуется провести исследования, которые являются менее одномерными и замкнутыми на неолитеральное/развитое либеральное управление. Ведь цель теоретической работы в социальных науках — задуматься о том, как рассматривать, совершенствовать и ставить под вопрос различные положения, которые пересекаются вокруг важных вопросов и проблем. Здесь я пытался проводить такой критический анализ, который делает акцент на противоречиях и проблемах, неровном и незаконченном характере социально-политических проектов, и объединительном представлении о том, как соединены социальная динамика и процессы урегулирования.

Непостоянные государства: переупорядочение национальных государств всеобщего благосостояния

Размышляя об этом, я хочу вернуться к проблеме государств всеобщего благосостояния и их преобразования, вновь поместив отношения между «социальным обеспечением» и «государствами» в центр анализа. Это

может показаться неправильным, так как одним из бесспорных достоинств исследований управленитета, казалось бы, является децентрация государства (представление, разделяемое другими современными подходами к «управлению», см. [Newman, 2001]). Однако, существует сложное отношение между выведением государства из центра анализа и его полным политическим вытеснением. Здесь я хочу рассмотреть эти вопросы вытеснения, рассеивания и переупорядочения немного шире. В британском контексте, мы это уже упоминали, «старая» — послевоенная система социального обеспечения была подкреплена несколькими взаимосвязанными урегулированиями: политико-экономическим, социальным и организационным (см., [Clarke and Newman, 1997, Hughes and Льюис, ed., 1998]). «Неустойчивым» в каждой из этих формаций было предварительное условие «реформы» государства всеобщего благосостояния, но процессы достижения «неустойчивости» были множественными и разнонаправленными, а не просто крахом или распадом некоторых основных условий (будь то «послевоенный консенсус» или корпоратистская/фордистская политическая экономия). Цель этого анализа состояла в том, чтобы выявить различные действия и тенденции, которые противоречивым образом способствовали дестабилизации «старой» системы. Например, это помогло выявить те способы, посредством которых Новые левые, новые социальные движения, группы клиентов и пострадавших (user and survivor groups), а также Новые правые бросили вызовы «старому порядку». Такие вызовы ясно сформулировали более широкое представление о «социальном» в социальной политике в тот же момент, когда Новыми правыми предпринималась попытка преобразования понятий публичного, социального и коллективного в естественное, индивидуальное и семейное (см., например, [Clarke 2000, Lewis et al, ed., 2000, Williams, 2000]).

Здесь я хочу проанализировать некоторые способы, с помощью которых многообразие сил и тенденций переплелось вокруг 'государства всеобщего благосостояния' и нерешенного набора институционализированных (и натурализованных) отношений между нацией, государством и социальным обеспечением. Я хочу подойти к этому вопросу, размышляя о государстве как о части двух словосочетаний: национальное государство и государство всеобщего благосостояния. Размышление о каждом из терминов в этой формулировке (национальное-государство-благосостояние) и отношениях между ними различными способами составляет отправную точку в дискуссии о проблеме преобразования государства всеобщего благосостояния. Возвращаясь к национальному государству, можно обнаружить видимые признаки несовершенства предположений о единстве культуры-пространства-людей-политических институтов, которое (как предполагается) характеризует национальное государство. Идентичность «народа» стала сомнительной и спорной, с колебаниями вокруг (по крайней мере) английского/британского/европейского, и по оси национализированных и расовых (racialised) идентичностей (выраженных в дебатах о формах мультикультурализма, [Lewis, 2000^a]). Имеет место непостоянство как содержания, так и границ «пространства» нации. Великобритания испытала

¹ Существуют и другие трудные вопросы, скрывающиеся за этим — о том, как можно определить уровень, степень или качество «выполнения», достигаемые определенными управленитетами. Но это уже другая тема.

внутренние переупорядочения по отношению к различным нациям и испытала конфликты вокруг «проницаемости» своих внешних границ относительно «Европы» (как ЕС) и мира «Других» (который часто позиционируют как проблему «социальной политики»). Наконец, политические институты находятся в сложных переходах к «федеральным» и «региональным» формам местного правительства и относительно «глобальных» и «наднациональных» институтов и процессов (см., например, [Deacon, 1997, Jessop, 2000^b, Rhodes, 1996, Sykes, Palier and Prior, ed., 2001]).

В этом отношении национальное государство уже не то, чем оно было ранее. На самом деле, кто-то захочет возразить, что ни нация, ни государство не являются тем, чем они были, — и в результате предположение, что они совмещаются как объединенное и унитарное государство-нация, становится ненадежным. Эхил Гупта [Gupta, 2000] утверждает, что история глобализации и дестабилизации национального государства имеет некоторые специфические особенности. Это значит, что, во-первых, существовали устойчивые, унитарные и независимые государства-нации, и во-вторых, что их интеграция в систему экономических, политических и культурных отношений — это новое явление. Гупта доказывает, что первое предположение пытается представить специфический опыт нескольких национальных государств (западных колониальных держав) в виде универсальной характеристики. Для сравнения, большинство наций/государств редко испытывало стабильность, единство или суверенитет, и не в последнюю очередь это объяснялось их подчиненным положением в рамках колониальных отношений. В то же самое время, именно драматизация глобальной политэкономии как «нового» скрывает более ранние формы глобальных взаимосвязей колониализма, которые поддерживали устойчивые, объединенные и независимые национальные государства. Их очевидная геополитическая основательность и замкнутость опиралась на реальные, но скрытые глобальные процессы колониальной территориальной власти и управления — части производства «нации» как в материальных, так и в символических формах. Тем не менее, такие доводы преувеличивают устойчивость западных национальных государств как геополитических объектов, если учесть постоянную смену национальных границ, национальных идентичностей, динамику присоединения и выхода, раскола, которые характеризуют развитие этих государств. Вероятно, было бы корректнее рассмотреть «национальное государство» как временное достижение — сконструированную формацию, которая обладает потенциалом как для расширения, так и для распада, но не для поддержания стабильного состояния. Такое представление могло бы заставить нас думать о национальном государстве в более относительных терминах как об объекте, оказавшемся в переходных глобальных экономических, политических и культурных отношениях, а не дестабилизированном, столкнувшимся с ними как бы впервые. Такое представление также помогает нам признать то, что вопросы нации/народа непременно являются проблемами «английской/британской» колониальной формации, а не только колонизированных «других». Результатом этих условий является цепь воображаемых синонимов «английский – британский – местный – белый – большинство – хозяйское население» сформулированная в расовых и этнических категориях. А одним из результатов должно было стать четкое определение нации и социального

обеспечения при помощи нормативного «универсализма» [Williams, 1989, Lewis, 1998, 2000^a и 2000^b].

Моя цель здесь состоит в том, чтобы представить понимание «национального государства» (в Великобритании) как сконструированного и сложного формирования, которое достигло того состояния, которое Антонио Грамши назвал «неустойчивым равновесием» — баланса противоречивых и потенциально неустойчивых составных частей. Такое временное равновесие является основанием для возникновения и размножения мифов о гражданстве в неизменном, устойчивом, целостном, объединенном и однородном британском государстве-нации. Ясным стало то, что теперь мы вышли из этого временного равновесия. Мы можем видеть разнообразие политических проектов, стремящихся создать новое урегулирование, новое устройство нации и государства для того, что представители теории Третьего пути* называют «современным миром» (например, [Blair, 1998, Giddens, 1998, Miliband, 1999]).

Такие нарушения равновесия (и попытки конструировать новые уклады) были отражены в словосочетании «государство всеобщего благосостояния». Предположения о том, что означало благосостояние, кому, при каких условиях и какими средствами оно доставалось, были глубоко противоречивыми из-за разнообразия точек зрения: неолиберальных и неоконсервативных ветвей Новых правых, эгалитаризма старых и новых левых, антирасистских и антирепрессивных выступлений. Все они (и многие другие) пробовали «повторно изобрести» смысл социального обеспечения. Несмотря на разнообразие сил, упомянутых здесь, ясно, что некоторые из них доминировали, достигая большего посредством практических побед, и обеспечили главные направления для реформы и реконструкции. Однако было бы неуместно прочитывать прошлые три десятилетия только в виде истории Новых правых (или еще более узко и одномерно — неолиберализма). Институциональные, культурные и политические сопротивления (оппозиции) и неприятия замедлили и ослабили часть «великого плана» Новых правых. Такие «неудачи» заставили защитников великого плана настаивать на потребности в большем количестве рынков, большей приватизации и большем консумеризме (подобно средневековым докторам, настаивающим, что замедленное выздоровление пациента демонстрирует потребность в большем количестве пива).

В то же самое время существуют и другие виды политических вызовов и требований, которые повлияли на реформу социального обеспечения косвенно (например, отдельное государство, становящееся сферой «равных возможностей») или через соглашения и назначения в доминирующих формах. Например, критические размышления относительно проблемы «клиент против профессиональной власти» и относительно «различий» были преобразованы в программу Новых правых через консумеристскую концепцию выбора [Clarke, 1996^a, Clarke и Newman, 1997, Hughes, ed., 1998, Williams, 1996]. В политическом переходе от Новых правых к Новым лейбористам вопросы о содержании, отношениях и условиях социального обеспечения по-пре-

* Третий путь — провозглашенная Новыми Левыми доктрина развития между капитализмом и социализмом, политико-социологическая концепция о возможности социально-ориентированного рынка с опорой на активность третьего сектора — общественных организаций (прим.ред.).

жнему привлекают критиков, которые стремятся расширить «социальное» в противовес индивидуализированным, фамилиализованным и дисциплинарным попыткам его преуменьшить [Clarke, 2000]. Такая борьба по поводу социального артикулирует «социальное обеспечение» и «нацию» — в смысле того, кто имеет право на доступ к социальному обеспечению. Гражданство или то, что Моррис [Morris, 1998] более точно называет «законное членство в сообществе социального обеспечения», является полем этих конфликтов. На карту поставлены конфликтующие понятия легитимности групп населения (андекласс¹, тунейдцы, иждивенцы, исключенные) и легитимность потенциальных граждан (мигранты, беженцы, и те, которых не считают «британцами» на основании цвета или культуры).

Это довольно неполные наблюдения относительно незавершенных процессов. Чего я хочу добиться, так это обратить внимание на незаконченную и нерешенную область политических напряженных отношений, которые характеризуют связи между социальным обеспечением, государством и нацией. В частности, я хочу подчеркнуть противоречивость и спорный характер системы связей между социальным обеспечением, социальным и государством. Это не должно отрицать выдающиеся особенности развитого либерализма или неолиберализма и эффективность его попыток перупорядочить эти отношения: последние тридцать лет не могут быть поняты вне этого. Но я хотел бы подчеркнуть две вещи: во-первых, то, что они являются «попытками перупорядочения», и мы должны остерегаться принимать их требования за успешный результат. Во-вторых, эти «попытки перупорядочить» функционируют в пределах и вне области соперничающих позиций, стратегий и возможностей. Они затрагивают политику артикуляции (и ре-артикуляции, дезартикуляции и так далее) и создают (непостоянные) образования и блоки.

Против завершения дискуссии

В этой заключительной части я хочу сделать два вывода. Они оба касаются важности осмыслить «незавершенность» описания изменений, устояв перед искушением продемонстрировать их определенность. Такие описания зачастую выглядят захватывающими рассказами, они изящно выполнены, ясно представлены и поразительно чисты. Ради ясности и чистоты следует идти на упрощения — и при определении объекта исследования, и в предлагаемых объяснениях. Таким образом, есть риск, что «государство всеобщего благосостояния» может быть сведено к одномерному объекту, который (в большей или меньшей степени) трансформируется единственной социальной, политической или экономической силой. Другие аспекты — и другие силы, направления и тенденции — имеют свойство исчезать, становиться сносками или включаться в действие после того, как основное уже было сказано. Моя цель здесь — выдвинуть на передний план спорный, сложный

¹ Андекласс (англ. underclass) — в англоязычной социологии самый нижний уровень статусно-классовой иерархии, в который входят те, кто занимается наименее оплачиваемой, наименее безопасной и наиболее неприятной работой (прим.ред.).

и противоречивый характер формаций, изучаемых способами, которые позволяют думать о процессах изменения как комплексных, противоречивых, спорных — и незавершенных. Хотя, как я полагаю, можно выявить доминирующие силы и тенденции, я также хотел бы знать, как они соперничают, и о каких спорных вопросах они должны договориться, когда пытаются создать новый «эквilibrium». В равной степени важно, я думаю, проследить такие эквilibriumы — моменты урегулирования, соглашения, которые укрепляют, институционализируют и натурализуют определенный порядок — я также настаиваю, чтобы мы поняли условия, которые делают их «временными» и таким образом уязвимыми к дестабилизации и реконструкции.

Во-вторых, очевидно, что у меня нет никакой великой теоретической структуры, которая может подкрепить мои амбиции размышлять о незаконченном процессе. Язык сам по себе изменчив, он отражает заимствования из разнообразных источников, которые сплетаются в некрасивые и шероховатые выражения. Вместо надлежащего теоретического аппарата я использовал ряд парадоксальных суждений в качестве руководящих принципов для моих усилий в сопротивлении аналитическому (и политическому) завершению дискуссии. Одна из таких идей — о непостоянном равновесии — играет существенную роль в этом обсуждении. Оно проистекает из загадочных наблюдений Грамши о том, как могла бы быть задумана «жизнь государства», и я считаю это полезным ориентиром в размышлениях о направлениях целого ряда формаций. Вторая идея определяет ход моих мыслей о том, как различные элементы (противоречащие, соперничающие, конкурирующие) сводятся вместе в этих временных и непостоянных единствах — как временные и нестабильные формации или политические блоки. Эта идея принадлежит французскому философу марксисту-структуралисту Луи Альтюссеру и скорее запомнится, чем многие из его более строгих теоретических понятий.

Обсуждая проблему противоречивых формаций, в которых элементы соединены вместе в нелегкие, неудобные и непостоянные ансамбли, он говорил об их «гармонии зубного скрипа». Это, на мой взгляд, неотразимое выражение. Оно делает парадоксальный акцент — обнажает напряженность отношений в конструировании определенного блока, союза или формации. Но оно также вызывает физическое ощущение стресса, напряжения и дискомфорта, что говорит об энергии, которая необходима, чтобы создавать эту «гармонию», и о болезненных силах, которые могут ее разрушить.

Список литературы

- Blair T.* The Third Way. London: Fabian Society, 1998.
Burrows R. and Loader B. (ed.) Towards a Post-Fordist Welfare State? / London: Routledge, 1994.
Carter J. (ed.) Post-modernity and the fragmentation of welfare London: Routledge, 1998.
Clarke J. and Newman J. The Managerial State: Power, Politics and Ideology in the Remaking of Social Welfare. London: Sage, 1997.
Clarke J. Capturing the Customer: Consumerism and Social Welfare // Self, Agency and Society, vol. 1(1), 1996^a. pp.55–73.

- Clarke J.* Globalisation and European welfare states: some unsettling thoughts // Globalisation and European welfare states / ed. by R.Sykes, B.Palier, and P.Prior. Basingstoke: Palgrave, 2001.
- Clarke J.* New Times and Old Enemies: Essays on Cultural Studies and America. London: Routledge, 1991.
- Clarke J.* The Problem of the State after the Welfare State // Social Policy Review 8 / ed. by M.May, E.Brunsdon and G.Craig. London: Social Policy Association, 1996^b.
- Clarke J.* Unfinished Business? Struggles over the Social in Social Welfare // Without Guarantees: In Honour of Stuart Hall / ed. by P.Gilroy, L. Grossberg and A. McRobbie. London: Verso, 2000.
- Clarke J., Gewirtz S. and McLaughlin E.* (ed.) New Managerialism, New Welfare? London: Sage, 2000.
- Cochrane A., Clarke J and Gewirtz S.* Introduction: Comparing Welfare States // Comparing Welfare States / ed.by A.Cochrane, J. Clarke and S.Gewirtz. London: Sage, 2001.
- Cooper D.* Governing Out of Order. London: Rivers Oram Press, 1998.
- Deacon B.* Global Social Policy. London: Sage, 1997.
- Dean H. and Melrose M.* Poverty, Riches and Citizenship. Basingstoke: Macmillan, 1999.
- Dean M.* Governmentality: Power and Rule in Modern Society. London: Sage, 1999.
- Esping-Anderson G.* (ed.) Welfare States in Transition. London: Sage, 1997.
- Fink J., Lewis G. and Clarke J.* (ed.) Rethinking European Welfare. London: Sage, 2001.
- Gibson-Graham K.T.* The End of Capitalism (as we know it). Oxford: Blackwell, 1996.
- Giddens A.* The Third Way: The Renewal of Social Democracy. Cambridge: Polity 1998.
- Gough I.* Global Capital, Human Needs and Social Policies. Basingstoke: Palgrave, 2000.
- Gupta A.* Rethinking the Conceptual Basis of State Welfare in the Era of Liberalization. Paper presented at the International Crossroads in Cultural Studies Conference, Birmingham, June, 2000.
- Harris P.* Public Welfare and Advanced Liberal Governance // Post-structuralism, Citizenship and Social Policy/ ed. by A.Petersen, I.Barns, J. Dudley and P.Harris. London: Routledge, 1999.
- Hoggett P.* New Modes of Control in the Public Service // Public Administration, 74, 1996. pp. 23–34.
- Hughes G.* (ed.) Imagining Welfare Futures. London: Routledge, 1998.
- Hughes G. and Lewis G.* (ed.) Unsettling Welfare: the reconstruction of social policy. by London: Routledge, 1998.
- Jessop B.* Governance Failur // The New Politics of British Local Governance / ed. by Stoker G.. Basingstoke: Macmillan, 2000^b.
- Jessop B.* From Keynesian Welfare National State to Schumpeterian Workfare Post-National Regime // Rethinking Social Policy / ed. by Lewis G., Gewirtz S. and Clarke J.. London: Sage, 2000^a.
- Jones C. and Novak T.* Poverty, Welfare and the Disciplinary State. London: Routledge, 1999.
- Kubnle S.* (ed.) The Survival of European Welfare States. London: Routledge, 2000.
- Leonard P.* Postmodern Welfare. London: Sage, 1997.
- Lewis G.* (ed.) Forming Nation, Framing Welfare. London: Routledge, 1998.
- Lewis G.* Discursive histories and the pursuit of multi-culturalism // Rethinking Social Policy / ed. by Lewis G., Gewirtz S. and Clarke J.. London: Sage, 2000^a.
- Lewis G.* Race', Gender, Welfare: Encounters in a postcolonial society. Cambridge: Polity, 2000^b.
- Lewis G., Gewirtz S. and Clarke J.* (ed.) Rethinking Social Policy. London: Sage, 2000.
- Lo C. and Schwartz M.* (ed.) Social Policy and the Conservative Agenda. Oxford: Blackwell, 1998.
- Massey D.* Imagining Globalisation: power-geometries of time-space // Global Futures: migration, environment and globalisation / ed. by Brah A., Hickman M. and MacnaGhail M. Basingstoke: Macmillan, 1999.
- Miliband D.* This is the Modern World. London: Fabian Review, 1999.
- Mink G.* Welfare's End. Itahaca: Cornell University Press, 1998.
- Morris L.* Legitimate membership of the welfare community // Welfare: Needs, Rights and Risks / ed. by Langan M.. London: Routledge, 1998.
- Morris M.* Too Soon Too Late: History in Popular Culture. Bloomington: University of Indiana Press, 1998.
- O'Malley P.* (forthcoming) Genealogy, Rationalisation and Resistance in 'Advanced Liberalism' // Rethinking Law, Society and Governance / ed. by Pavlich G. and Wickham G.. Oxford: Hart.
- O'Malley P.* Risk and Responsibility // Foucault and Political Reason / ed. by Barry A., Osborne T. and Rose N.. London: UCL Press, 1996.

- O'Malley P.* Risk, Crime and Prudentialism revisited // Crime, Risk and Justice/ ed. by Stenson K. and Sullivan R. Devon: Willan, 2000.
- Obmae K.* The End of the Nation State, the Rise of Regional Economies. London: HarperCollins, 1995.
- Orton M.* Who's Responsible? Council Tax debt, citizenship and capitalism. PhD thesis, University of Warwick, 2001.
- Petersen A., Barns I., Dudley J. and Harris P.* Post-structuralism, Citizenship and Social Policy. London: Routledge, 1999.
- Pierson C.* Beyond the Welfare State? Cambridge: Polity, 1991.
- Rhodes M.* Globalization and West European Welfare States: A Critical Review of Recent Debates // Journal of European Social Policy, 6(4), 1996. pp.305–327.
- Rose N.* Governing “advanced” liberal democracies // Foucault and Political Reason / ed. by Barry A., Osborne T. and Rose N. London: UCL Press, 1996^a.
- Rose N.* Powers of Liberty. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
- Rose N.* The death of the social // Economy and Society, 25 (3), 1996^b. pp. 327–56.
- Saraga E.* (ed.) Embodying the Social: Constructions of Difference. London: Routledge, 1998.
- Stenson K.* Crime control, social policy and liberalism // Rethinking Social Policy / ed. by Lewis G., Geiwrtz S. and Clarke J. London, Sage, 2000.
- Sykes R., Palier B. and Prior P.* (ed.) Globalisation and European welfare states. Basingstoke: Palgrave, 2001.
- Williams F.* Postmodernism, feminism and the question of difference // Social Theory, Social Change and Social Work / ed. by Parton N. London: Routledge, 1996.
- Williams F.* Principles for good-enough welfare //Rethinking Social Policy / ed. by Lewis G., Geiwrtz S. and Clarke J. London: Sage, 2000.
- Williams F.* Social Policy: A Critical Introduction. Cambridge: Polity, 1989.

Джон Кларк — PhD, профессор социальной
политики, факультет общественных наук,
Открытый университет, Великобритания,
электронная почта John.Clarke@open.ac.uk

(Перевод Н. Феоктистовой, под ред. П. Романова)